

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. 50. Оп. 1. Д. 10056.
2. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 11139.
3. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 11546.
4. ГАИО. Ф. 50. Оп. 6. Д. 172.
5. Енисейские епархиальные ведомости (далее — ЕЕВ). — 1916. — № 14.
6. ЕЕВ. — 1916. — № 18.
7. Карташев А. В. Церковь как фактор социального оздоровления России / А. В. Карташев // Церковь. История. Россия : Статьи и выступления. — М. : Прогресс, 1996. — 303 с.

Информация об авторе

Наумова Надежда Николаевна — доцент, кафедра истории и политологии, Братский государственный университет, 665709, г. Братск, ул. Макаренко, 40, e-mail: naumova_bratsk@mail.ru.

Author

Naumova Nadezhda Nikolaevna — Associate Professor, Chair of History and Political Science, Bratsk State University, 40, Makarenko st., Bratsk, 665709, e-mail: naumova_bratsk@mail.ru.

УДК 94(470)
ББК ТЗ(2)613-2

И.В. ОРЛОВА

**ДЕТСКИЕ ДОМА 1920-х гг.:
РЕАЛИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Анализируется проблема содержания беспризорников в детских домах Иркутской и Енисейской губернии в 1920-е гг. В статье предлагается описание быта и условия содержания детдомовцев.

Ключевые слова: беспризорность, детские дома, социальная защита.

I. V. ORLOVA

**CHILD'S SHELTERS OF 1920s:
REALITY OF DAILY**

The problem of keeping of the homeless in child's shelters of the Irkutsk and Yeniseisk regions in 1920s was analyzed. The article describes the living conditions of homeless children.

Keywords: homeless, child's shelters, social protection

Определив социальной функцией Советского государства защиту обездоленных, большевистское руководство страны охватило социальной заботой несовершеннолетних беспризорников. В 1920-е гг. борьба

с детской беспризорностью была возложена на органы народного образования и здравоохранения. Детское население в качестве объекта социальной политики нуждалось в обучении и медицинском обслуживании, поэтому социальная забота о подростках была «доверена» соответствующим ведомствам. Так, с конца января 1920 г. учреждения для детей в возрасте до 3-х лет были переданы в ведение отделов здравоохранения, для остальных несовершеннолетних — в ведение отделов народного образования.

В годы нэпа беспризорность приняла угрожающие размеры и стала важнейшей государственной и общественно-педагогической проблемой. Сказались нарушения трудового уклада жизни и деформация быта людей, распад семейных связей, вызванные первой мировой и последовавшей за ней гражданской войнами, получила распространение «классовая» причина безработицы. Поставленная партией большевиков задача увеличения удельного веса рабоче-крестьянской «прослойки» в школе решалась по революционному простому: детей «нетрудовых элементов», «лишенцев» и «бывших» из школ исключали в результате чисток или просто не принимали. Оставшись вне школы, ребенок попадал в положение полной беспризорности.

Беспризорников размещали в зданиях бывших детских и сиротских приютов, а так же в специально организованных детских домах и колониях. К концу 1920 г. Иркутская губернская секция социального воспитания, находившаяся при губернском Отделе народного образования имела в своем ведении 21 детский дом с 1 430 воспитанниками. По г. Иркутску было 13 детских домов с 559 подростками, а всего по губернии 34 детских дома с числом детей 1989 чел. [3, л. 41]. По Енисейской губернии в это же время было 15 социальных учреждений с 2 500 несовершеннолетними [8, л. 296]. Общим в этом вопросе для обеих губерний стало то, что работа по ликвидации детской беспризорности на первоначальном этапе была своего рода реакцией на «стихийное бедствие». Низкое материальное обеспечение делало состояние приютов катастрофическим, при этом воспитательные и образовательные цели отодвигались на второй план. Главным стало защитить беспризорников от жестокого мира, а мир — от беспризорников.

Существенные коррективы в работу с беспризорностью внес голод 1921–1922 гг. в Поволжье, охвативший около 25 млн населения, почти 30% которого составляли дети. Постановлением ВЦИК от 10 февраля 1921 г. организовывались комиссии по улучшению жизни детей (чекадеты) [10]. На них была возложена задача по оказанию помощи продовольствием, жильем, топливом тем учреждениям, на которые возлагалась забота о детях. Осиротевшая и голодная масса из Поволжья надвигалась на регионы Сибири. Точных данных о количестве беспризорных детей, наводнивших сибирские губернии неорганизованным путем, не

существует. Известно только, что через систему планового переселения в Сибирь было эвакуировано 20 тыс. детей, в том числе 3 тыс. чел. в Енисейскую и столько же в Иркутскую губернию. В результате чего стремительно увеличилось число детдомов в Енисейской губернии с 15 в 1920 г. до 81 в 1922 г. [8, с. 296], а в Иркутской — с 34 в 1920 г. до 97 в 1922 г. [11, с. 51]. В связи с этим на данном этапе главным и в известной мере единственным методом в решении проблемы беспризорности стало массовое открытие детских учреждений. Все это было вызвано решением важнейшей в тот период времени задачи — спасением детей от голода и физической смерти. Беспризорные дети помещались в детдома на полное содержание, где должны были получить образование, а также то, что в документах 1920-х гг. называлось «социальное воспитание».

Что же представляли собой учреждения, призванные защитить и спасти осиротевших детей? И могла ли идти речь о «социальном воспитании»? Итак, после обследований ряда детдомов в Иркутской губернии в 1922 г. «Особая комиссия по обследованию социального положения в детдомах» пришла к выводу, что детские дома переполнены и испытывают нужду в белье, продовольствии, учебных пособиях. Социальные учреждения, куда прибывали дети, напоминали скорее тюрьмы: грязь, отсутствие пищи, паразиты, унижение младших воспитанников старшими, разврат, наказания, а, по сути, представляли собой ночлежки, дающие беспризорнику лишь крышу над головой. Все остальное — пищу и одежду, — они добывали себе сами, воруя на базарах и грабя близлежащие огороды. Самой распространенной формой протеста у детдомовцев был побег.

До весны 1922 г. детские учреждения получали на свои нужды 10% всех поступлений от налогов и сборов в пользу голодающих, а с прекращением деятельности фондов в пользу голодающих лишились этой поддержки [6, с. 50]. Сокращение государственных средств на содержание детей сильнее всего отразилось на самих подростках. Например, в Енисейской губернии в апреле 1922 г. на 4732 ребенка, находившихся на государственном снабжении, было выделено всего 2100 пайков [6, с. 50]. Такая же ситуация складывалась и в Иркутской губернии. Выданный Сибчекадетом кредит в 700 млн р. из-за бюрократических проволочек не был своевременно использован. В результате чего произошло сокращение детских пайков — в феврале 1922 г. с 5580 до 2650 [4, л. 3]. Все это создало тяжелый продовольственный кризис в детских домах.

В таких условиях с целью ослабления финансовой напряженности и разгрузки детдомов Иркутский и Енисейский губернские отделы народного образования приняли решение закрыть часть из них, произвести отсев детдомовцев, а, по сути, чистки. В социальных учреждениях должны были остаться только круглые сироты, дети из голодающих губерний и дети красноармейцев, остальные переданы дальним родственникам. В результате такой работы в Иркутской губернии на 1 марта 1922 г. на

госснабжении осталось 2200 детей. Значительно сократилось количество детских домов, на 1 января 1923 г. их осталось 51, по сравнению с 1922 г. их число уменьшилось почти в 2,5 раза [11, с. 51].

В 1923 г. все учреждения отделов народного образования, в том числе и учреждения социального воспитания детей, фактически были сняты с государственного снабжения и переведены на содержание местных бюджетов. По решению руководителей Иркутской губернии ряду общественных и советских организаций на полное содержание передавались 11 детдомов с 805 детьми, при этом были сняты с госснабжения все детдома, находящиеся в сельской местности. Таким образом, общее число детей с 5360, состоявших на 1 января 1922 г. на госснабжении к февралю месяца того же года было доведено до 3920 [4, л. 3]. Такая мера частично снимала ответственность с ГубОНО. Например, детский дом «Коммунальная защита» г. Иркутска в 1923 г. на 53 ребенка в возрасте от 4 до 15 лет от ГубОНО получал лишь 38 пайков, 3 пайка от предприятия «Промшвея», 2 пайка от ячейки Совнархоза, ежемесячные отчисления 4-й Сапожной мастерской, вопросы водоснабжения и освещения в этом учреждении были возложены на коммунальный отдел [5, л. 41]. Детский дом им. Луначарского содержался полностью на средства профсоюза Совработников. Размеры продовольственных пайков различных организаций не только разнились между собой, но и в течение года то увеличивались, то сокращались. Все это делало процедуру финансирования и снабжения очень нестабильной. И в условиях такой неразберихи практически не возможен был строгий контроль и учет, что порождало рецидивы воровства и спекуляции продуктами, бельем со стороны обслуживающего персонала детдомов, а, в целом, затрудняло решение проблемы по нормальному обеспечению детей.

Детдома г. Красноярска, за исключением дома № 2 (бывшая ночлежка для беспризорников) и школы глухонемых содержались на средства Горсовета. Ночлежка — на средства детской комиссии, школа глухонемых была на госбюджете, как учреждение краевого значения. Из средств, предусмотренных по сметам 1925–1926 г. на учреждения социального воспитания г. Красноярска, детдома получали 144 804 р., что составляло 52% всего бюджета по Соцвосу, при этом содержание одного воспитанника обходилось в 153 р. в год. Но этого было явно не достаточно и материальное положение нельзя было назвать даже удовлетворительным, ощущался недостаток обуви, инвентаря, обмундирования, постельных принадлежностей. Не было даже чайной и обеденной посуды [2, л. 250].

Весь период 1920-х гг. беспризорность называют «социальной язвой», газеты, агитлистки и прочее изобилуют тезисами:

«...Бороться с беспризорностью — значит помочь приемнику, распределителю, детскому дому...

Государство содержит на свои средства такую огромную сеть детских учреждений, какой нет ни в одной другой стране, более благополучной

в смысле народного просвещения; вот почему оно одними своими силами не может побороть беспризорность и необходимо использовать все силы страны, помимо государства для борьбы с детской беспризорностью, так как только при участии всего населения может быть одержана победа на этом огромном и тяжелом фронте» [1, л. 146].

Пока власти внедряли различные методы борьбы с беспризорностью и изыскивали средства для решения этой проблемы. Детдомовское население действовало своими методами и выживало как могло. «Жиганы» сбивались в банды и шайки, становились настоящим бедствием, совершали не только кражи, но и дерзкие грабежи. С 1 января по 25 марта 1922 г. в отделении милиции г. Иркутска поступило 1115 дел по преступлениям, которые совершили беспризорники и детдомовцы, в 1921 г. за такой же срок — 200 [9, с. 453]. В силу разных обстоятельств, подростки, получившие своеобразную «путевку в жизнь» быстро воспринимали правила воровского мира.

Население видело в них все тех же беспризорников, а руководство детдомов стремилось оградить одних от других высокими заборами и запретом на несанкционированный выход в город. Так, у воспитанников детских домов, обособленных от внешнего мира, прочно сохранялся менталитет беспризорника. Все это можно было победить через проведение программ по социализации, через погружение подростка в реальность общественных отношений. Но в начале, и даже середине 1920-х гг. власти не рассматривали этих вопросов. Изменения пришли в конце 1920-х гг. вместе с курсом на индустриализацию: детей из детдомов стали пристраивать на курсы, прикреплять на производство. В конце апреля — начале мая 1927 г. в Иркутске открылись 10-месячные курсы для беспризорных детей, на которых 100 подростков, получившие профессии асфальтировщиков, кровельщиков, бетонщиков, столяров и печников 200 [7, с. 504]. Но большая часть детей оставалась в изоляции от общества.

На протяжении 1920-х гг. детдома оставались идеальным местом для передачи «романтики беспризорности» от старшего поколения к младшему, что шло в разрез с задачами воспитания.

Список использованной литературы и источников

1. Архивное агентство Красноярского края (ААКК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1669. Л. 146.
2. ААКК. Ф. П-60. Оп. 1. Д. 91. Л. 250.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-11. Оп. 1. Д. ОЦ-51. Л. 41.
4. ГАИО. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 102. Л.3.
5. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1364. Л. 41.
6. Иванова Е. А. Положение беспризорных детей Енисейской губернии в начале 1920-х гг. / Е. А. Иванова, Т. А. Катцина // Люди и судьбы в XX веке. — Красноярск : Кларетианум, 2003.

7. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2003.

8. Отчет Енисейской губернии экономическому совещанию (1921–1922 гг.). — Красноярск, 1923.

9. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Ч. 2 / Н. С. Романов. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994.

10. Собрание узаконений. — 1921. — № 11. — Ст. 75.

11. Спасенные революцией: борьба с беспризорностью в Иркутской губернии и округе (1920–1931 гг.) / под. ред. В. Т. Агалакова, Г. В. Коваль. Иркутск : Гос. архив, 1977.

Информация об авторе

Орлова Ирина Вячеславовна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии и социальных наук, Иркутский государственный медицинский университет, 664003, г. Иркутск, ул. Красного восстания, 1, e-mail: irina_orlova7@mail.ru.

Author

Orlova Irina Vyacheslavovna — PhD in History, Associate Professor, Chair of Philosophy and Social Studies, Irkutsk State Medical University, 1, Krasnogo vosstaniya st., Irkutsk, 664003, e-mail: irina_orlova7@mail.ru.

УДК 908
ББК 63.3

E. V. SEVOSTYANOVA

НАРОДНЫЕ ЧТЕНИЯ В ДОСУГОВОЙ СФЕРЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Анализируется такая форма досуга и внешкольного просвещения как народные публичные чтения, рассматриваются основные направления правительственной политики и распространенность народных чтений в сельских поселениях Восточной Сибири.

Ключевые слова: народные чтения, культурно-просветительное общество, публичные общедоступные лекции.

E. V. SEVOSTIANOVA

PEOPLE'S LECTURING IN EAST SIBERIAN RURAL POPULATION'S LEISURE SPHERE IN THE LATE XIX — THE BEGINNING XX CENTURIES

The author analyses such form of leisure and extracurricular education as public people's lecturing. Main objectives of governmental policy and incidence of people's lecturing in East Siberian rural settlements.

Keywords: people's lecturing, cultural society, public lectures.